

КРЕХАЛЕВА Елена Анатольевна, аспирант кафедры культурологии и религиоведения Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, преподаватель истории мировой культуры Архангельского музыкального колледжа. Автор двух научных публикаций

МЕЛОС И ЛОГОС СЕВЕРА

Статья посвящена изучению особенностей музыкального пространства Русского Севера. Север, воспринимаемый как метафизическая граница жизни и смерти, космоса и хаоса, является рубежной вехой и для мира звуков. Дополняя друг друга, звуки составляют полифоническую структуру Русского Севера и представляют собой значимую часть кода его традиционной культуры.

Ключевые слова: *Русский Север, музыкальная культура, скоморохи, старообрядцы, Поморье, мелос, логос, гармония, хаос, космос.*

Проблема соотношения музыки и слова, мелоса и логоса была артикулирована в Санкт-Петербурге на Третьей Международной конференции «Метафизика искусства»¹. Мелос и логос Севера – это составная часть пространства русской культурной традиции со своей музыкально-звуковой эстетикой, уникальность которой объясняется этнокультурными и геоисторическими особенностями циркумполярного мира.

Поморье – это заповедная территория исторического диалога славянской, финно-угорской и скандинавской культур. Изначальность, традиционализм и уходящая корнями в гипербореи древности архаика Севера проявились, в частности, в том, что в среде старообрядцев Поморья сохранилось раздельноречное пение

(хомония), насчитывающее не одно столетие, а используемая ими «знаменная нотация имеет уже более чем тысячелетнюю историю развития»². Важную роль в сохранении северного архаического мелоса и логоса играли скоморохи как своеобразные хранители нордической шаманской традиции. Распространяемый скоморохами национальный былинный эпос «перешел в народную крестьянскую среду и сохранился преимущественно на севере»³. Неповторимое обаяние северному пению, с его древними формами подголосочной полифонии (гетерофонии), придает так называемая «северная говоря».

Глубинные, сокровенные «голоса» Севера были хорошо слышны людям, наделенным даром слышания и видения неслышимых

и невидимых сфер мироздания. «Север (Арктика) – строгий, светлый огромный кафедрал. Простор напоен стройным песнопением. Свет полный, без теней. Мир только что создан. Для меня Арктика – утро Земли. Жизнь на Земле только что начинается. Там теряется мысль о благах обычных, так загораживающих наше мышление. Если в Арктике быть одному и далеко от жилья – хорошо слушать святую тишину»⁴, – писал патриарх северной литературы Степан Писахов.

Бескрайнее акустическое пространство Севера скрывает звук и возвращает нас к состоянию, предшествовавшему творению, – некой лишенной формы и порядка первоматерии. В экзистенциальном смысле тишина противопоставляется звуку как хаос космосу и смерть жизни. Она «содержит опасность перехода в иной мир и в модели мира соответствует оппозиции жизнь/смерть»⁵.

Смерть была постоянным спутником жизни поморов в силу того, что главный их промысел – добыча рыбы и морского зверя был связан со стихией северных морей, а значит, с постоянным риском для жизни. «В мифологическом универсуме восточных славян образ моря (даже этимологически) непосредственно соотнесен с областью смерти... Если море – мертвое царство, то любое передвижение в этом локусе религиозно-мифологического пространства равносильно реальному переживанию смерти, точнее, испытанию морем-смертью»⁶.

Поморские мелос и логос были направлены на обуздание морской стихии, на «утишение» океана-моря. Поэтому в составе поморской артели всегда был особый человек – сказитель-баюн, наделенный даром словесного творчества. Одним из таких поэтов на корабле был шергинский герой Пафнутий Осипович Анкудинов: «Смолоду сказками да песнями душу питаю. Поморы слушают – как мед пьют... Артели в море пойдут – мужики из-за меня плахами лупятся. За песни да за басни мне с восемнадцати годов имя было с отчеством. На промысле никакой работы не давали. Кушанье с поварни, дрова с топора – знай пой да говори...»⁷.

Наиболее полно мифологический образ Поэта на корабле разработан в трудах Н.М. Терехихина, который исследуя морские былины «Садко» и «Соловей Будимирович» отмечал, что главный герой былины – Садко (гуслиар и певец), подобно своему греческому собрату Орфею, ритмом своего музыкально-поэтического искусства организует морскую стихию, упорядочивает ее, управляет ею. Поэт как носитель обожествленной памяти, как монопольный знаток пространственно-временной организации вселенной является главным хранителем морского знания и водителем поморов по смертным просторам моря-океана. Поэт на корабле выполняет роль кормщика – лоцмана-вожа. Сама былина может рассматриваться как своеобразная мифо-поэтическая лоция, в которой описывается не реальный ландшафт моря, а мифо-географическое пространство Лукоморья⁸.

Наряду со словом средством гармонизации хаоса служили и музыкальные инструменты, которые наделялись сверхъестественными способностями реинкарнации, подобно шаманскому бубну, который мог превращаться в транспортные средства, переносившие шамана по всем сферам мироздания. «...А ты ладь гусли. Если не на корабле, дак на песне твоей поедем»⁹, – говорит поморский староста баюну в период вынужденной зимовки на острове Новая Земля.

Из всех фольклорных жанров особым уважением пользовались старины, которые выполняли функции своеобразной морской лоции, указующей спасительный путь людям, оказавшимся в снежном плену или в «относе морском».

Спасение от смертной тоски и уныния поморы-зимовщики обретали в мелосе воскрешающего праздника. «На деревянную чашу натянули жилы оленьи, гриф из вереска – вот и гудок с погудальцем. Два коровьих рога, в чем иглы держали, то сопелки-свирели... В праздник всякий вечер ударим в гусли; запоет гудок девическим голосом, завизжат рожки. Учинится топот-хлопот, скаканье-плясанье. Зажиг от старосты пойдут: зачнет пудовыми сапожищами в половицы бухать, перстами шелкать, закружится...»¹⁰.

В картине мира поморов на их мифогеографических картах-лоциях Дышущего Моря-Океана острова наделялись двойственной сакральной семантикой. С одной стороны, они воплощали в себе образы пространства смерти, с другой – преображенные земли «острова спасения». Опасным в поморской среде считался остров Грумант (Шпицберген), который «описывался как страна мрака и холода, скал, льдов и снега, где нет жизни, где не может жить человек»¹¹. Европейцам этот остров «внушал такой ужас, что даже приговоренные к смерти преступники не соглашались перезимовать там одну зиму, за что им обещали помилование»¹².

В мифологической географии поморской ойкумены Грумант находился под властью «старухи-цинги» и «одиннадцати ее сестер», которые показываются иногда людям во время «погод», когда ветер свистит в каменных утесах Шпицбергена. Хозяйки поют под вой ветра: «Здесь нет петья церковного, ни звона колокольного: здесь все наше...»¹³. Хтоническая инобытийность Груманта акцентируется отсутствием там спасительного православного мелоса (церковного пения и колокольного звона).

Духовной осью Северного Мира, находящегося в эсхатологических пределах «последнего моря», являлось православие. Глашатаями и вестниками православия были странствующие иноки, подвизавшиеся в иноверческих и инородческих пустынях Края Земли. Подвижники-монахи, ищущие уединения в северной глуши, освящали молитвенными песнопениями еще недавно языческую территорию. Православный колокол возвещал о бессмертии души, звал к праведной жизни. Являясь символом, объединяющим весь православный мир, на Севере колокол звучал по-своему: отличался широтой, текучестью и плавностью мелодической линии, замысловатой узорчатостью голосоведения.

Особое место в музыкальной партитуре Севера занимает старообрядческий мелос. «Поморье, да и вообще весь русский север были особо подходящей почвой для распространения “старой веры”, так как там до начала следующего XVIII века каждый приход являлся

независимой и сильной церковной и административной единицей и выполнял почти все функции местного самоуправления»¹⁴.

Сохраняемое старообрядцами древнерусское пение с его монументальностью и величием имело особое свойство, которое отметил П.А. Флоренский: «Древнее унисонное или октавное пение... удивительно как пробуждает касание Вечности. Вечность воспринимается в некоторой бедности земными сокровищами, а когда есть богатство звуков, голосов, облачений и т. д. и т. д., наступает земное, и Вечность уходит из души куда-то, к нищим духом и бедным богатствами»¹⁵.

«Ревнители древлего благочестия» стремились оставаться в лоне старорусской церковной традиции и при этом они, как пишет С.И. Дмитриев в «Очерках этнокультурной истории Архангельского Поморья», были хранителями и носителями дохристианского предания: «Известно, что среди сказителей былин, исполнителей свадебных и похоронных причитаний – наиболее сложных и древних видов народной поэзии – было немало старообрядцев»¹⁶. Древнее благочестие получило на Севере статус истинной святой веры, в которую креститься можно было лишь на смертном одре. В старообрядческом религиозном социуме существовала ритуальная практика «перекрещивания» или перехода из новой «антихристовой» никонанской веры в старое святое и истинное исповедание.

Старообрядческое крюковое пение сохранилось в Поморье и в XX веке. Так, в одной из своих фольклорных экспедиций на р. Пинегу искусствовед Т.Ф. Владышевская в с. Нюхча Архангельской области сделала записи от староверки-скрытницы. «Скрытница Анна Ивановна (фамилии у скрытников не употреблялись), в 1968 году ей было 80 лет, несмотря на возраст, обладала чистым мягким тембром и отчетливо знала крюковое пение»¹⁷.

Мелос и логос Северного Мира как микроскопа воспроизводили в земном плане бытия звучащую музыкально-поэтическую гармонию семи небесных сфер.

Значительное место в звуковом ландшафте Севера составляло также скоморошество как религиозно-культурный феномен, уходящий своими корнями в шаманистскую архаику славяно-финского мира. Большинство исследователей связывают скоморохов с областью ритуального символического антиповедения, со смеховым миром. Сакральная география скоморошества соотносится с Новгородом и его северными землями.

Известный исследователь скоморошества А.А. Морозов отмечал, что «богатый и разнообразный репертуар скоморохов стал достоянием нашего Севера как часть старинной новгородской культуры... Скоморохи не только потешали своих слушателей веселыми и забавными песнями. Они исполняли и серьезные старины, прославлявшие подвиги русских богатырей»¹⁸.

Однако главной чертой деятельности скоморохов считается устройство «позоров и глумов» с пением и пляской. Скоморошеский мир – это мир, вывернутый наизнанку, ландшафт которого был наполнен необычайным шумом, производимым скоморохами с помощью различных музыкальных инструментов: бубнов, трещоток, сопелей, гуслей, гудков со смыками,

сурн, волынок, труб, домр и др. С точки зрения семиотики, этот шум можно истолковать как некое сообщение с провокационной целью разрушения существующего миропорядка.

«Скоморошеское зрелище на массовом празднике – это эпицентр разрушения. Вероятно, поэтому, наряду с осуждением смеха как греховности и усмотрением в скоморохе конкурента, уводящего прихожан на “позорище” вместо службы, православная церковь видела в нем отъявленного нарушителя порядка и благопристойности (“благочиния”), т. е. своего прямого оппонента по линии сохранения предустановленной Богом гармонии, что, в свою очередь, явилось дополнительной причиной причисления его к “бесовскому” миру»¹⁹.

Очевидно, что Север, воспринимаемый как метафизическая граница жизни и смерти, космоса и хаоса, является рубежной вехой и для мира звуков. Здесь одновременно звучат и взаимодействуют «серьезная» и «смеховая» области сакрального фундамента традиционной культуры Поморья, мелос и логос которой превратили звучащий ландшафт Русского Севера в священный хорал и «памятник отечественной и мировой культуры» (Д.С. Лихачев и В.Л. Янин).

Примечания

¹ Мелос и Логос: Диалог в истории // Метафизика искусства: материалы Третьей междунар. конф., 19–20 ноября 2004 года / под ред. проф. М.С. Уварова. СПб., 2005. Вып. 2.

² Владышевская Т.Ф. Музыкальная культура Древней Руси. М., 2006. С. 137.

³ Власова З.И. Скоморохи и фольклор. СПб., 2001. С. 18.

⁴ Писахов С.Г. Сказки. Очерки. Письма. Архангельск, 1985. С. 201.

⁵ Цивьян Т.В. Отражение звукового пейзажа в языке и тексте // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 149–150.

⁶ Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004. С. 8.

⁷ Шергин Б.В. Древние памяти: Поморские былины и сказания. М., 1989. С. 41.

⁸ Теребихин Н.М. Геософия Поморья // Вестн. Помор. ун-та. 2001. № 1. С. 27.

⁹ Шергин Б.В. Указ. соч. С. 79.

¹⁰ Там же. С. 80–81.

¹¹ Обручев С.В. Русские поморы на Шпицбергене. М., 1964. С. 5.

¹² Там же. С. 6.

¹³ Там же. С. 8.

¹⁴ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество в двух томах. Т. 1. М., 2009. С. 228.

¹⁵ Цит. по ст.: Трубачев С. Музыкальный мир П.А. Флоренского // Сов. музыка. 1988. № 9. С. 102.

¹⁶ Дмитриева С.И. Очерк этнокультурной истории Архангельского Поморья // Мировоззрение и культура севернорусского населения. М., 2006. С. 37.

¹⁷ Владышевская Т.Ф. Указ. соч. М., 2006. С. 259.

¹⁸ Цит. по кн.: Власова З.И. Указ. соч. С. 139.

¹⁹ Юрков С.Е. Смеховая сторона антимира: скоморошество // Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – нач. XX в.). СПб., 2003. С. 47.

Krekhaleva Elena Anatolyevna
Arkhangelsk Musical College

MELOS AND LOGOS OF THE NORTH

The article is dedicated to the features of the music space of the Russian North. The North as a metaphysic boundary between life and death, space and chaos is a frontier landmark for the world of sounds as well. Supplementing each other, sounds form a polyphonic structure of the Russian North and represent a significant part of its traditional cultural code.

Key words: *Russian North, music culture, skomorokhs, Old Belivers, Pomorye, melos, logos, harmony, chaos, cosmos.*

Контактная информация:
e-mail: mus_col@mail.ru

Рецензент – *Требихин Н.М.* доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова